

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

НЕ КАЖДЫЙ, КТО НА КОНЕ — ВСАДНИК

1. “Я подумаю об этом завтра”

Литература, как человек, жива, пока жива память о ней. Независимо от жанра.

Историко-приключенческое произведение “Слово о полку Игореве”, коему несколько веков от роду, живо. Путевые очерки “Записки охотника” живы. Роман “плаща и шпаги” под названием “Три мушкетёра” живее всех живых. Историческая мелодрама “Капитанская дочка” вызывает неподдельный интерес и в наши дни. Короткая юмористическая зарисовка “Толстый и тонкий” пребывает в прекрасном здравии. Четырёхтомник “Война и мир”, вместивший под свои обложки, как минимум, три жанра: мелодраму, исторический и авантурный романы, тоже жив. Фэнтези про Гулливера знакомо большинству читателей с детства. Детектив “Преступление и наказание” читается всем миром и сегодня. “А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь” — при удобном случае цитирует и стар, и млад. Шерлоку Холмсу до сих пор со всего света идут письма, даже с просьбой о проведении частного расследования. “Космическую Одиссею” знают не только фанаты фантастики. Женский детектив про “божий одуванчик” мисс Марпл читал и самый ленивый. О сказках про девочку Элли, Страшилу, Железного Дровосека слышали не только дети, но и взрослые. Женский роман “Унесённые ветром” о любви и ревности, о предательстве и верности, героиня которого произносит крылатую фразу “Я подумаю об этом завтра”, хорошо известен многим мужчинам. Я даже имён и фамилий авторов этих книг не называю — каждый может легко проделать это сам.

Или многим уже затруднительно? И совсем не каждому будет по силам? Нынешнее молодое поколение читателей, боюсь, не ответит, кто такие Скарлетт О’Хара, Хорь и Калиныч, два капитана: Копейкин и Тушин — и некогда известная не только в узких кругах тройца Гримо, Базен и Мушкетон. В подтверждение приведу реальный диалог на уроке в старшем классе:

— Дети, помните, как в известном романе Дюма...

— Дюма? Какое Дюма?

Сказать, что это поколение выросло совсем не похожим на предыдущие... А какие поколения копировали своих предшественников? Да, нынешние таковы, что только диву даёшься. Они (хотя и понимаю, что не все и не каждый) с малых лет живут в социальных сетях, общаясь с парой сотен друзей, качают музыку и фильмы из интернета, играют в компьютерные игры, вышивают картины, плетут безумные феньки в восемьдесят нитей, время от

времени “ищут себя”: фотографируют, берутся за изучение французского или китайского языка, “на-чём-нибудь-музицируют” и непременно сочиняют романы и миниатюры, размещая их на “Самиздате”.

Их симпатии в литературе? Это поколение выросло не на классических образцах художественной литературы, а на текстах про битвы в далёком космосе, про душераздирающую любовь, про ангелов и демонов, мороев и халдеев, маньяков-убийц и киллеров, вампиров и привидений, эльфов и хоббитов, драконов и гончих преисподней, когда на блюдечке с голубой каёмочкой преподносится фруктовый салат из мистики, гламура, ужасов, эротики и альтернативной истории. Впрочем, желающие могли отведать другое блюдо: немного “экшн” и магии, щедро приправленные “клубничкой”, из специй – какая-нибудь злободневная тема и милейший хэппи-энд. Так что ожидать, что вам наизусть прочитают плач Ярославны или вспомнят строки “Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды своей. Ни зашелохнёт; ни прогремит...”, а тем более назовут имена отца и сына Гринёвых из пушкинской “Капитанской дочки”, сегодня не приходится.

Впрочем, смею думать, что сегодняшние читатели вряд ли назовут вам и имена главных героинь остросюжетного любовного романа Юлии Шиловой “Время лечит, или Не ломай мне жизнь и душу”, появившегося на свет совсем недавно (2009), или уже слегка удалённого по времени бестселлера Марины Серовой “Шкура неубитого медведя” (2000). Хотя оба автора из числа тех, чей суммарный тираж книг превышает несколько миллионов экземпляров. А ведь таких рекламируемых издательствами писателей только среди авторов-женщин тьма-тьмущая: одних Татьян – Устинова, Полякова, Корсакова, Соломатина, Тронина, Степанова, Патрикочка, Луганцева, Гармаш-Роффе, Ставицкая, Королёва, Веденская, Алфёрова, Коростышевская... А ещё, само собой, есть Натальи, Галины, Анны, Елизаветы, Ксении, Инны, Стеллы, Яны, Алины, Дианы, Влады, Валерии, Ярославы, Каринэ и просто Марии...

Открываешь Юлию Шилкову – тут тебе и несостоявшаяся невеста, и похороны, и фальшивая свадьба, и плен, и любовь, и деньги. Интригующий сюжет, захватывающий и самоироничный стиль изложения, остроумные и динамичные диалоги, тонкий юмор и совершенно непредсказуемая развязка – таков, убеждают издатели и книготорговцы, фирменный стиль авторов женской прозы, о чём бы они ни писали.

Фирма, она, конечно, веников не вяжет, но почему ни интрига и самоирония, ни остроумие и динамизм, ни сказка и быль, ни тонкость и непредсказуемость не спасают многочисленных современных литературных массовиков-затейников от падения тиражей их произведений? Нет, писатели продолжают пописывать, но читатели, даже невзыскательные, отчего-то перестают их почитать. И не потому ли литературная критика как не признавала литературой творения нынешних беллетристов, так и не намерена это делать, понимая, что зачастую имеет дело всего лишь с ширпотребом?

В этом легко убедиться, взглянув лишь на названия, вынесенные на обложки: “Айсберг в джакузи”, “Белоснежка и семь трупов”, “Нобелевская премия по сексу”, “Вся правда, вся ложь”, “29 отравленных принцев”, “Уходи красиво”, “Дворец для сероглазого принца”, “Печальный зверь”, “Дьявол носит лапти”, “Муж объелся груш”, “Большое зло и мелкие пакости”, “Измена в рамках приличий”, “Блудница поневоле”, “Стервами не рождаются!”, “Последняя ночь с принцем”, “Московская плоть”, “Королева придурочная”, “Демоны без ангелов”, “Концерт для Колобка с оркестром”, “Прощание с первой красавицей”... Сомневаюсь, что хотя бы одно из них могло бы привлечь Тургенева или Чехова, Бунина или же Агату Кристи. Хотя, если честно, я и у Чейза и Гарднера подобных названий романов не припомню.

Правда, напрашивается вопрос: а надо ли ставить в один ряд авторов книг “Рабы дьявола”, “Химера”, “Бабушка на сносях”, “Девушка с приветом”, “Лунный демон” с Чеховым и Буниным? Насколько корректно само такое сопоставление?

Действительно, ведь ясно, что всевозможные “Рабы химеры на сносях с приветом” изначально пишутся без претензии на шедевр. Они пишутся в расчёте на реализацию. Прагматичность такого подхода, замечу, формирует специфичную писательскую психологию. И уже нет ничего удивительного, например, в проведении на просторах ЖЖ **Максимом Субботиным** (автор

романов “Феникс”, “Исчадия Ада”, “Под личиной зверя”, “Мёртвые не разговаривают” в жанрах фэнтези и хоррор), опроса по выбору заголовка для новой книги:

“Народ, буду сильно признателен всем, кто поможет определиться с названием для будущей (пишущейся) книги. Жанр книжки: хоррор. Место действия: современная Россия. Суть книги раскрывать не буду, потому прошу выбрать понравившееся название исключительно из ощущений и личных пристрастий. Какой вариант наиболее вам симпатичен? “Шёпот мертвецов”, “На костях прошлого”, “В шёпоте мёртвых”, “Мёртвые говорят”, “Отчаяние мёртвых”, “Мертвенный шёпот”, “Мёртвые не уходят”, “Я слышу! Я вижу! Я умру?”, “Тени прошлого”, “Мёртвые тени”. Можно выбрать несколько вариантов”.

И если Чехова никак не спутаешь с его современником Львом Толстым, то отличить создателей текстов книжных серий “Детектив глазами женщин”, “Русский бестселлер”, “Женские хитрости”, “Дамские детективы”, “Смешные детективы” не то что затруднительно, а просто невозможно. Ну, нет никакой разницы в текстах для читателя, открывшего “В погоне за бурным сексом”, а потом углубившегося в “Фантазии офисной мышки” или “Личное дело соблазнительницы”! Даже представить себе нельзя, что написаны они разными авторами. То есть, конечно, разница есть, но... примерно такая же, как, по большому счёту, между “Докторской” колбасой комбинатов “Велком”, “Дымов”, “Мортадель”, “Микоян”, “Останкино”, “Сетунь”...

2. Литература: искусство или совокупность любых письменных текстов?

Главное, нет в книгах беллетристов нашего времени своего стиля, своего языка — одни только “заимствованные слова”, которые они перенимают друг у друга. Недавно мне на глаза попалось одно любопытное рассуждение:

“А вот интересно — тот упрощённый русский, на котором говорят мигранты, его уже можно считать отдельным языком или это всё ещё диалект? Или этот, как его, пиджин (если я правильно употребляю термин)? И через какое время этот язык вытеснит классический русский? И насколько сильно вытеснит? Превратится ли классический русский в умирающий язык, которым владеют в полной мере лишь немногие интеллектуалы? Или же станет языком образованного класса и владение им будет вопросом престижа, а упрощённый русский будет уделом маргиналов?”

И я подумал: “А упрощённый язык нынешней беллетристики через какое время сможет потеснить или даже вытеснить классический русский? Превратится ли классический русский в умирающий язык, которым владеют в полной мере лишь немногие интеллектуалы? Или же он станет языком достаточно узкого образованного класса, и владение им будет вопросом престижа, а упрощённый, но массовый русский будет уделом маргиналов?”

Хочешь не хочешь, а разговор о современной литературе невозможен без изучения системы современного образования, системы, делающей из учителя посмешище, а из школьника — дурака. Это вчера литература была искусством, которое — “если это настоящее искусство, — нужно нам не потому, что оно красиво и приятно, а потому, что говорит человеку о человеке же”. В этом я полностью согласен с литературоведом Марией Елифёровой, чьи слова только что процитировал. Но сегодня литературу всё чаще и всё большее количество даже профессиональных литераторов воспринимают буквально: “написанное” от лат. *lit(t)era* — “буква”, то есть, в широком смысле, совокупность любых письменных текстов. Впрочем, тому есть резонное объяснение.

После введения ЕГЭ и студенты филфака “не могут связать двух слов”, жалуются преподаватели гуманитарных вузов. Будущие филологи даже не слышат, не то что не понимают язык классической литературы. Проводимое наступление на литературу и русский язык (превращение их в школах в уроки словесности) ведёт к тому, что мы рискуем получить довольно скоро поколения, способные объясняться только жестами и смайликами. ЕГЭ по литературе и истории, облегчение экзамена по русскому языку почти не читающим школьникам просто программируют общество на превращение невежества в норму. В качестве заурядных примеров приведу выдержку из переписки в интернете двух преподавателей:

“Сегодня две девицы пересдавали устный экзамен по литературе.
– Автор рассказа “После бала” – Лев Толстой. В рассказе окрашенный любовью Иван Васильевич приглашён на бал к камергеру.

Попросила у девушки её черновик.

“Простокова готова убит своего брата ради Метрованушки”.

Ей отвечает учительница из Забайкалья:

“А я иногда боюсь спрашивать... За простым вопросом такая пустота открывается... И приходится на простейшем уровне об истории страны говорить. О том, что Достоевский не в 20 веке жил... О том, что не мог Жилин по телефону своим позвонить... О том, что жизнь началась не здесь и сейчас, а уже длится некоторое время.

Меня детки как-то спросили о том, были ли во времена моего детства сковородки.

– На углях мясо жарили... Мамонятину.

И ведь не засмеялись...

Грустно так”.

Были годы (я про то время, о котором сегодня слагают легенды, то есть про старое доброе время, когда, как известно, детей находили в капусте, про лучезарную пору, когда солнце светило ярче, соль была солоней, трава была зеленой, мёд слаще, и секса вроде как бы и не было, когда все жили просто, без затей, распевая: “никуда не денешься, влюбишься и женишься...”), когда я читал все выходившие в стране “толстые” журналы, заодно прихватывая и большинство “тонких”. Сейчас вспоминаю и сам себе не верю – фантастика какая-то! Я тогда большинство журналов даже не покупал, а выписывал, их почта приносила домой. Скажи нынче про такое кому из молодых – не поверит... Или спросит: “Толстые” – это “Cosmopolitan” и “Караван историй”?

Людей, готовых читать (я уж не говорю перечитывать!) “Войну и мир”, “Мёртвые души”, “Обломова”, с каждым днём становится не просто всё меньше – их уже катастрофически мало. Произведения классической литературы не вписываются в компьютерный век, в частности, “потому, что с экрана труднее читать, чем с книжной страницы”, как я услышал недавно. Интернет вступил в явный конфликт с навыком восприятия человеком сложных и длинных текстов. Можно сказать и так: длинные тексты автоматически стали сложными.

На смену поколениям тех запойных читателей, что с самого раннего детства алчно проглатывали любой печатный текст, пришли другие, с того же самого раннего детства алчно проглатывающие послания SMSок, Вконтакте, Твиттере и ЖЖ, состоящие из нескольких строк. Интересно, сколько понадобится времени, чтобы человечество на книги стало смотреть, как мы сейчас – на древние папирусы?

Из очевидных всем, кроме их создателей, проблем образования, трансформированного в сферу образовательных услуг, меж тем уже выросла любопытная цепочка: необразованный школьник – необразованный студент – необразованный читатель, способный усвоить лишь поп-литературу. И этот новорождённый массовый читатель уже заявил о себе, обозначил свои предпочтения и оценки: “Хочу чего-нибудь попроще!” Интересно, этот, кому хочется “чего-нибудь попроще”, когда-нибудь в своей жизни откроет “Войну и мир”?

Заметим, суть явления не в том, что произошла деградация “серьёзного” читателя. Возник новый потребитель текстов, которого не интересуют “серьёзная” литература. Самыми значимыми и актуальными для этой категории читателей стали темы реально существующих ныне книг: “Пороки и их поклонники”, “Как верить в себя и получить счастье”, “Микстура от косоглазия”, “Как привлечь и удержать мужчину”, “Диета для трёх поросят”, “22 суперметода притянуть к себе деньги, чтобы блистать, чтобы наслаждаться жизнью, чтобы получить всё, что хочешь” и т. п.

И тут ещё – внимание! Эта категория читателей, о которой раньше мы не имели представления, получила возможность в любых формах высказываться самим: интернет подарил им эту возможность: в личных блогах, на форумах, на сайтах самоиздания современной литературы вроде “Проза.ру”, “Проза Дома Солнца”, “Авторская проза”, “Малая проза”, “Самиздат.ру”, “Три желания”...

Разумеется, книга существенно отличается от текста на ридере или на сайте “Проза.ру”. Она требует тщательного, неспешного чтения, даже если

это не “Война и мир”, а “Золотой телёнок”. Впрочем, всё чаще и чаще звучит, что само чтение “настоящих” книг (их сегодня ещё называют “бумажными”), которое в годы моей юности было почти ритуалом, постепенно уходит в прошлое. А с компьютерного экрана разве можно “читать” — в старинном, созвучном наслаждению смысле этого слова? Можно лишь получать информацию, кушать биты и байты. Но это не единственное отличие.

Книга — это книга. И не надо добавлять никаких слов (бумажная, картонная). Электронная — никакая не книга, это текст на электронном носителе. И тогда всё становится на свои места. Не говорим же мы про текст на папиресе, бересте, что это папирусная или берестяная книга.

Слышу возражение:

— Слово “книга”, как и большинство слов, многозначно. Это и конкретный предмет, и текст. Конечно, не всякий текст является книгой, но есть и такие, которые невозможно назвать иначе. В последнее время я прочла несколько электронных книг. Можно, конечно, не причислять к книгам произведения отдельных современных авторов, хотя как? А как быть с классиками? “Бесов” я перечитывала как раз в электронном варианте. Кстати, почему не назвать папирусные свитки книгами, если это законченные произведения?

Вопрос не шуточный! Отвечаю:

— Потому наши предки и не называли папирусный свиток книгой, что это не было книгой, даже если на нём было законченное произведение. Стремление назвать свой текст, размещённый где-нибудь на “Самиздат.ру”, “Проза.ру”, книгой возникло как раз у тех, кто не может (по разным причинам) опубликовать его книгой. Далеко за примером ходить не буду. Мною написан роман, он опубликован в 2003 году в 2-х номерах журнала “Москва”, но книгой так и не вышел. Его можно прочитать в интернете (хотя я его туда не выкладывал). Тем не менее, я везде говорю, что я автор романа, но никогда не говорю, что я автор книги с тем же названием, что и роман.

Что касается любого, кто прочитал в интернете, допустим, “Бесов” Достоевского, то человек прочитал его текст на электронном носителе, познакомился с произведением. Зачем ему говорить, что он читал книгу? Он читал произведение. О книге же “волнуются” авторы, желающие сказать, что написали книгу. Хотя, по сути, они авторы рукописи (даже если она набрана в Word’e и представлена на сайте “Проза.ру”). Говорю так, ибо считаю, что всё надо называть своими именами, то есть не следует, глядя на арбуз, заявлять, что это футбольный мяч, а придерживаться старого названия — ягода.

“Самые демократичные” серверы Рунета, как говорят их создатели, отличает отсутствие какой-либо редакционной политики: “Нет «вкусовщины», как в журналах, мы не отказываем в публикации текстов, которые другой редактор посчитает «слабыми». Качественные оценки всегда субъективны. У нас нет политических или религиозных ограничений, и даже допустимые моральные рамки трактуются достаточно широко”. О том, насколько представительны эти литературные ресурсы Рунета, можно судить по количеству размещённых на них произведений и по числу авторов: опубликовано свыше десятка миллионов текстов и несколько сот тысяч авторов.

Да-да, вчерашние школьники, авторы замечательных фраз, рождённых во время ЕГЭ: “Поэт полностью отдавался в объятия великой русской души”, “Обломов полюбил Пшеницыну на почве барских привычек”, “Люди с треском возвращались на дно”, “Обломов живёт от завтрака до обеда”, прерываясь на сон и десерт”, “При сравнении внешности видна разница между героинями: Ольга показана как женщина, ведущая богатый и ритмичный образ жизни”, — из таких словосочетаний и предложений стали складывать тексты, называя их рассказами, повестями, романами. Даже пишущие слово “корова” через “а” имеют полное право быть представленными на демократичных серверах Рунета.

Поэтому можно сказать о сформировавшемся следующем звене цепочки — необразованный писатель-беллетрист, способный преимущественно на создание поп-литературы (а во многих случаях неспособный даже и на это!). Этот процесс, по своей сути, аналогичен тому, что происходит в школе. Непонятно системно-образующий институт нации и государства, школа перестала выполнять эту свою основную функцию. В результате сегодня мы уже стали забывать, что прогресс определяет не менеджер, как и войну выигрывает не солдат. И то, и другое делает учитель, который воспитывает рабочего и солдата, инженера и офицера, генерального директора и генерала.

Вот и в обыденном сознании нынешнего автора текстов не возникает мысли о писателе как об “инженере человеческих душ” (без соотнесения с тем, кому принадлежит это определение). Его вполне устраивает положение, при котором вместо создания памятников художественной литературы он всего лишь оказывает населению развлекательные услуги.

Подтверждение моему выводу я нашёл у **Анны Ивановой-Иваковой**, автора повестей “Любовное томление”, “Святая Иоланда”, “Чёрт с левого клироса”, написавшей в своём блоге:

“Бульварное фэнтези – это поделка, назначение которой, прежде всего, угодить массовому потребителю. А массовый потребитель не хочет “философии”, ему начхать на духовные искания и муки Мышкиных и Безуховых – и без них проблем хватает. Потребитель хочет одного: отвлечься, отдохнуть, спрятаться хоть на время от жестокого мира, в котором он, потребитель, чаще всего ничего особенного собой не представляет, и поиграть в героя, как дети играют в войну. Потребитель не хочет думать, ему нужны книги, которые читать – всё равно, что грызть семечки.

Эти книги покупают и читают по той же причине, по которой дети, будь их воля, питались бы одними чипсами и конфетами. И рассчитаны они, в сущности, не на взрослого читателя, а на ребёнка, который в этом взрослом читателе, согласно теории Фромма, продолжает жить и требовать свою порцию детского пюре “Ням-ням”.

... Что это? Литература? Нет”.

Наконец, завершают цепочку издатели, умеющие только печь, как блинчики, эту самую поп-литературу. У коммерсантов, взамен “старого” слова “культура” быстро начертавших на своих знамёнах “новое” сладкое слово “бизнес”, книга стала товаром. И маркетологи, взяв готовые западные схемы завоевания рынка, стали перекладывать их на российские условия с ориентацией именно на этот тип литературы. По той простой причине, что она “массовая” – значит, и доходы “массовые”. А новорождённый читатель получил своё желанное “чтиво”, оформленное в серию.

3. С кем мы имеем дело?

Несомненно, успех книги внутри серии – это, все понимают, не творческое достижение. Почему? Потому что серийная стратегия отечественных издателей строится на двух китах: экономии на авторском гонораре и отказе от политики рекламирования писательских имён в пользу серий. Рекламирывать серию дешевле и менее трудоёмко. А автор что? Авторов много, среди массы пишущих одинаково плохо редакторы отберут сотню таких, кто за маленькие деньги быстренько напишет очень похожие и узнаваемые тексты. Узнаваемые в рамках серии, которая с помощью рекламы станет известной, но авторов, включённых в модную серию, никто и не вспомнит.

Безусловно, количественный подход, опять же все признают, не на пользу дерзким и рискованным творческим замыслам, которые и создают великую литературу. Конечно, как спокойно говорят сами издатели, рукопись стала рассматриваться как полуфабрикат, а издательство – как некий “литературный кластер”, предприятие отвёрточной сборки. Но разве это повод, чтобы отказываться от денег?

При этом тиражируемый текст, независимо от качества, будь он в мягкой обложке или в жёстком переплёте, либо размещённый на сайте “Проза.ру”, даёт ощущение счастья самим авторам, которые, однако, при каждом удобном и неудобном случае клянутся, что своим творчеством желали осчастливить читателя.

Тут самое время, как в таких случаях говорят, определиться с терминами. Я исхожу из того, что “всё, что не стихи, – то проза”; всё, что не наука, – то литература. Следовательно, и Пауло Коэльо, и, например, А. Маринина, Г. Романова, М. Серова, Т. Тронина и многие другие есть литература. Но мне, любящему перечитывать Лабрюйера, Ларошфуко и Паскаля, после них не хочется, познакомившись с Пауло Коэльо, ставить его на полку к художественной литературе, где стоят перечисленные писатели-классики. Моя дочка раньше меня прочитала Паоло Коэльо (мода – она во всём мода!), собственноручно, через неё книжечки бразильского писателя и попали ко мне в руки. Дочь прочитала и тоже не изъявила желания оставить их дома.

Так что это какая-то особая литература. Модой и маркетингом она продаётся, читается, в памяти не остаётся, перечитывания не просит. Маринина раскручена телевидением и фильмами. Однако начинаешь читать её тексты (не экранизированные детективы, а те, которые автор называет “настоящей прозой”), – читать до конца даже не хочется. Но, говорят, Маринина – писатель и создатель современной литературы. И если взять Набатникову, то смотреть гардемаринов можно (мне так даже нравится), а читать, на мой вкус, невозможно. Язык, стиль – ужас. Но она тоже писатель, и тоже создатель текстов современной литературы.

Надеюсь, вы понимаете, что последует в заключение? Есть литература и есть поп-литература, фрагмент масскультуры, массовая литература. Она тоже имеет... своих любителей и почитателей. И даже не стану говорить, что она – явление со знаком “минус”. Там есть образцы хорошие, средние, плохие. Это можно: одним – писать, другим – читать. Но то, о чём идёт речь, всё же тексты, а не художественные произведения, и в это слово я не привношу ничего личного и тем более обидного.

Как бы то ни было, российский литератор во все времена имел возможность согласиться стать глашатаем официальных мыслей, мнений, оценок или явить себя в виде беллетриста для приятного чтения и развлечения в часы досуга. Но далеко не каждый писатель на это шёл. Хочу напомнить: уже первые из известных нам писателей относились к своему делу как к высокому служению всей русской земле, исходили из интересов всего русского народа, а не интересов того или иного князя. Пусть даже он и был для пишущего, говоря современным языком, и продюсером, и спонсором, и издателем в одном лице.

При всей разности лиц, приёмов творчества, линий мысли, богатстве языка некогда в России каждый писатель, из тех, кого мы читаем и сегодня, был резко индивидуален. Но в то же время всех их объединяло стремление понять, почувствовать пульс страны, нерв народа и его предназначение на земле. Хотя всегда было достаточно и литераторов с претензией на миссию властителей дум, выдававших свои “творения” за “откровения”, в которых читалось желание превзойти других в забвенье общественных интересов.

Тем не менее, приходится констатировать: сегодня мы живём в период, когда изменились читатели, изменились писатели, изменились издатели, изменилась ситуация. Хорошо это или плохо? На сей вопрос можно услышать ответ:

“Хорошо ли, плохо ли, но это жизнь! Нравится ли это писателям и теоретикам литературы, нет ли, но жизнь не зависит от их мнения. У неё свои законы. Было бы нелепо и неправильно пытаться навязать ей свои правила”.

Нередко звучат голоса, мол, это только “литкритики имеют обыкновение сваливать всё в одну кучу, а точнее, разделять на две: литературу и нелитературу”. Тогда как “в каждом отдельном направлении может быть халтура, а может быть и отличное произведение”.

Относительно халтуры и отличных произведений всё верно. И никакой зависимости от жанра при этом не наблюдается. Другое дело, что не надо “ставить на одну доску” и уравнивать, с чем сегодня на каждом шагу мы сталкиваемся, например, “неоконченный” роман Гроссмана “Жизнь и судьба” и великую книгу Льва Толстого “Война и мир”. Или сравнивать главного персонажа дебютного романа Сергея Минаева “Духless. Повесть о ненастоящем человеке”, ставшего героем одноимённого фильма, – топ-менеджера, много зарабатывающего и много тратящего на тусовки, бары и девиц, – и пушкинского Евгения Онегина.

Поэтому разрешите уж сохранить за собой право сравнивать и дальше. Например, классику и халтуру, как, впрочем, и всё то, что располагается между ними. В определённой мере эта “грязная” работа прямо возложена на критику, а значит, и критиков. Нужна ли она нынешним пишущим, пробуящим установить в литературе свои нравы и законы, отрицая при этом необходимость правил? На память приходят слова критика, вряд ли знакомого сегодняшним авторам-беллетристам, не обременённым знанием прошлого, Юрия Селезнёва. Хотя вроде бы не так давно, точнее, в 1979 году он писал: “Художественная литература и критика – как два крыла, равно необходимые для полёта. Писатель нуждается в достойном его таланта критике, критику необходим писатель, талант которого отвечал бы тем высотам и глубинам народного духа, глашатаем и проповедником которых является критик. Естественно,

речь идёт об истинной, большой критике, как и о литературе в подлинном, высоком смысле этого слова. Думается, здесь нет необходимости повторять старую истину: не всякий пишущий (а ныне кто не пишет?) – писатель, не каждый критикующий – критик”.

И он же в статье о Достоевском-критике, увидевшей свет уже после смерти талантливого автора, одного из тех, кто у всех на виду возрождал русский миф XIX века о всесиилии критического слова, сформулировал: “Истинная литература должна быть литературой дела”. Да-да, дела, а не развлечения во время безделья.

Хорошо ли, плохо ли, но для Льва Толстого словесность наша была “серьёзным делом серьёзного народа”, а вовсе не “перенесённой с чужой почвы детской забавой”. И, если вдуматься, для настоящих созидателей отечественной литературы, которых мы именуем классиками, главным побудителем их творчества были задачи не собственно беллетристические, но духовно-нравственные, гражданские, общенародные. Потому и отношение наше к ним несравненно большее, нежели просто как к писателям, беллетристам.

Так было, а что есть в наше время? Тут я позволю себе сделать два вывода.

Первый: читателей стало меньше. Согласно данным опроса, проведённого “Левада-центром”, процент жителей России, которые совсем не читают книг, вырос до 45! А читают ежедневно всего 10% россиян. За последние 15 лет снижение процента ежедневно читающих жителей России составило 8%. При этом наибольшим успехом у читающей части пользуются любовные романы и детективы. А наименьшим спросом – так называемая “серьёзная” современная проза и поэзия.

Вывод второй: писателей (во всяком случае, себя таковыми считающих) стало больше. Причём, именно в жанрах, пользующихся наибольшим спросом: выросло количество беллетристов, создателей любовных романов и детективов. По понятной логике: спрос рождает предложение.

Худо-бедно, но мы много знаем о тех писателях, кого числят по разряду “серьёзной” литературы – о них как-никак пишут литературные критики (как бы скептически я к современной критике не относился). Но мы практически ничего не знаем о тех авторах книг, составляющих ряды многочисленных серий на полках магазинов под этикетками “Детективы”, “Фэнтези” и “Любовные романы”.

Впрочем, в рукописях, лежащих на редакторских столах, тексты таковы, что словесная вязь – “бокалы с напитками с утяжелённым дном” и “лепнина и синие ковры придавали залу спокойную, доверительную интонацию” – читается как стихотворение в прозе. Потому что язык, каким написаны эти тексты, подлежащие редактированию, – это бурьян с чертополохом. Вот, между прочим, пример из фэнтези:

“... золотые локоны усов...

... многоруким было это озеро...

... юность и сила сквозили из каждой чёрточки его громадного тела...

... сидел мрачный, как гром...

... его квадратная борода выступила из-под изгиба верхней губы...

... но его и его жену нельзя отрывать один от другого...

Король был одет в пальто величественного военного стиля.

... мерные раскаты барабанов и труб...

... смогли пройти через её молчаливые снега только силой своих рук...

Под гул уток в период течки он поднимался по лестнице.

У старухи было сгорбленное тело, плечи торчали над кончиками туфель.

... спросила она, подтягивая подштанники через свои длинные ноги...

... смотрел на свидетельство правоты своих худших опасений...

... выемка прекрасных грудей...

... его жестокий рот гордо нависал над квадратной челюстью...

Он расправлял грудь, когда шёл рядом с ней, держа руки за спиной под углом в 90 градусов”.

Кому-то эти перлы покажутся смешными. А я, читая их, вспомнил удивление автора нескольких миниатюр в журнале “Самиздат” Ники Анисеевой: “Как редактор может точно знать, что именно хотел сказать автор? Почему надо заменить одно слово на другое или переписать предложение в совершенно ином варианте?” Вспомнил и уронил скупую редакторскую слезу. Ведь за-

втра эти тексты, приглашенные и припомаженные редакторами, станут книгами, и на какой-нибудь очередной книжной выставке-ярмарке станут произносить красивые слова про гениальных, талантливых, состоявшихся писателей (только так и никак иначе будут их представлять менеджеры по рекламе и продажам).

Не следует думать, будто подобным “великим, могучим, правдивым и свободным русским языком” пишутся только произведения в жанре фэнтези. Можно полистать рукопись приключенческого романа:

“... он осклабился своей нежной улыбкой...

... неловкий в физических движениях...

... вошёл человек с фигурой футболиста в защитном костюме...

... его лицо, не запятнанное никакими признаками ада...

... мужчина с угрюмым лицом в золотых очках...

... они кончили жидкое блюдо и приступили к груше...

... подтянутые тёмные глаза...

... его медвежья фигура и неуклюжая походка удалялись при свете фонарика в руке и, наконец, исчезли...

Беспокойное море вздымалось высокими вершинами и манило зловещим пальцем судьбы”.

Хочу быть оптимистом, но мешают слова очередного “творца”: “Всего-то ночь посидела, уснула на пару часов, потом в дичайшем ужасе проснулась и бросилась редачить – и вот второй роман готов к отправке хоть на “Дебют”, хоть издателям. Вот что бывает, когда внутри включается режим маньяка =)

Ну, что, денёк перерыва – и пойду работать над другим романом”.

Ну, и как тут не задать вопрос (в форме, звучащей нынче в жюри всевозможных и многочисленных телевизионных конкурсов): станет ли следующий роман “маньяка” потрясающим, классным, пронзительным, пойдут ли от него мурашки, будет ли он “сносить мозг”? Ответьте на него сами.

Кто-то скажет: ну, пишут они и пишут. И впрямь, то, что пишут – это дело десятое. Важно, как они пишут. Татьяна Тренина, к примеру, уверена, что новые романы рождаются в атмосфере “стилистических сумерек”:

“Мне кажется, стиль в литературе умирает. Именно так, не умер, нет ещё, но... наступают неизбежные сумерки.

Конечно, никто не станет читать корявый, убогий, примитивный текст, где громоздятся филологические штампы и полно пошлых, избитых метафор.

Но вполне достаточно чистого, внятного языка – без излишних словесных красот, вызывающих изжогу, и без плохо перевариваемой сухости. Нормальный такой язык образованного, интеллигентного человека. А если автор ещё и искренен (а это чувствуется при чтении – его увлечённость, интерес к теме), то всё отлично!

Стиль сейчас не важен... А что важно? Интересная история. Необычный сюжет. Фишка, изюминка... И главное – искренность, которая рука об руку идёт с достоверностью”.

Желая пристальнее взглянуть на “атмосферу стилистических сумерек”, я открыл первые страницы новой книги Трениной “Песчаный рай” на сайте издательства “ЭКСМО”. И там же прочитал: “Проза Татьяны Трениной подкупает тем, что её герои ведут себя, как обычные люди. В её книгах нет штампованных образов и надуманных ситуаций. Кто больше виноват – неверная жена или муж, предпочитающий уничтожить беглянку, чем видеть её счастливой? Что такое любовь с первого взгляда – минутный порыв или непреодолимое чувство? Татьяна ставит непростые вопросы, и её герои ищут ответы, порой рискуя всем, что им дорого”.

После знакомства с первой главой романа желания читать дальше, увы, не возникло. Но это ничего не значит. Чтение – дело субъективное. А вот редактору серьёзной, на мой взгляд, текст требует. Да, саму Тренину бездарностью никак не назовёшь. Как-никак, автор около 50-ти любовных романов. “Удивительно чуткий писатель, но и очень востребованный”, как её представляет сайт “Рейтинги 7я.ру”. По данным исследования издательства “Эксмо”, она входит в пятёрку самых популярных и продаваемых российских авторов сентиментальной литературы. “Мой любимый писатель – Юрий Поляков”, – признаётся она. На сайте ЭКСМО можно прочесть: “В романах Татьяны Трениной есть место тайне, детективной интриге, авантурным приключениям, безумию, мести, ненависти и нежности. Страсть никогда не бывает наполо-

вину – ей надо отдалиться, вместе с героями преодолеть все бурные сюжетные перипетии, приплыть в тихую гавань счастливого финала, вытереть слёзы и прошептать: “Господи, бывает же!..” Среди любимых ею самой романов – “Роза прощальных ветров”, в котором, пишет она, “немного не так, как описано в аннотации, там сложнее и тоньше... Там есть детективная линия, корнями уходящая в прошлое 20-летней давности, – одна из моих любимых тем, про скелеты в шкафу. Там немного про гинекологию, ревность, отечественное самолётостроение, перформансы и ещё много чего”.

Пишет она, действительно, “вполне достаточно чистым, внятным языком – без излишних словесных красот, вызывающих изжогу, и без плохо перевариваемой сухости. Нормальный такой язык образованного, интеллигентного человека”. Даже спорить не стану по поводу “нормального такого языка образованного, интеллигентного человека”. “Такой”, по мнению, Трониной, значит, “такой”. Меня разве что слегка царапнуло словосочетание “вполне достаточно”, но это ведь кому как. Что ни говори, гладенько пишет автор 50-ти сентиментальных романов:

“Дина осталась одна. На экране телевизора уже шла мелодрама – самозабвенно целовалась влюблённая парочка. Молодые и красивые. Счастливые. Эх, как всё просто в кино...”

Вот и у Трониной, как в кино, обходится всё без особых сложностей:

“Дина вымыла посуду, потом начала собираться на работу. На душе кошки скребли. Зачем Руслан назвал её отсталой? Нет, он не хотел её обидеть, но... всё равно неприятно. Нет, не потому, что назвал “отсталой”, но это постоянное, раздражённо-снисходительное пренебрежение с его стороны, как будто она – дурочка, неразумный ребёнок”.

Как видим, герои и впрямь “ведут себя, как обычные люди”. Если что их и волнует, так исключительно: любит – не любит, плюнет – поцелует, ревнует – не ревнует, изменяет – не изменяет, переспит – не переспит. И вокруг всё обычное: музыка – зажигательная, глаза – затуманенные от восхищения, начальник – бабник, муж – с “калашом”, жена начальника – любительница дорогих украшений, сама героиня – смущённая и чувствующая себя не в своей тарелке. Зато оригинален сарафан – он терракотового оттенка. А может, это и не сарафан, а “новое платье – красное, с открытыми плечами, с глубоким вырезом, с широкой юбкой”.

Это платье сразу заставило вспомнить Мэрилин Монро. Строки романа напомнили её знаменитое белое платье с глубоким декольте и плиссированной юбкой, в котором звезда появилась в сцене фильма “Семь лет желания” в 1955 году. Разве что Тронина цвет изменила для большей оригинальности и выразительности созданного ею образа.

Одновременно с чтением “Песчаного рая” мне в интернете попались на глаза строки отзыва об одном британском детективе знакомого книжного редактора, которая не без иронии писала о достоинствах произведения: “в меру маразматическая фабула, после тяжкого умственного труда отлично разгружает; лихо закрученный сюжет; довольно часто – красивые пейзажи, героиня – тётка, каких у нас на автобусных остановках каждая третья, – толстая, светлая, орущая, немолодая, толковая, платьишко в цветочек, вязаная кофта (ладно, ладно, кардиган)”.

Роман Татьяны Трониной, конечно, не детектив, однако всё на месте: и фабула, и сюжет, и героиня – тётка, каких много, и тоже толковая. Правда, молодая и не толстая, но платье “простенькое, из ситца в цветочек, уже немного выцветшее”, и вместо вязаной кофты перстень с крупным рубином (ладно, ладно, от бабушки достался...). И тоже после тяжкого умственного труда отлично разгружает. Так что уровень ничуть не хуже британского детектива. Вот только литература – это не школьный урок, где повторение – мать учения. В художественной прозе одни и те же приёмы, многократно повторенные, не способны родить свежий образ.

Хороший же писатель не боится быть смешным, наивным, не стесняется слов, выбивающихся из строя фраз, не стремится остаться чистым и внятным, мечтая угодить тем, кому “за 30”, и не опасается “выглядеть” старомодно. Скромная оправка, скажет любой ювелир, хороша для ослепительного бриллианта, чтобы не затмевать его достоинств. А здесь не то, что “не счастье алмазов в каменных пещерах, не счастье жемчужин в море полудённом”, – здесь их днём с огнём не сыщешь!

Грамотный стилист непременно порекомендовал бы добавить акценты, на которые читатель захочет обратить внимание. Иначе получается конфуз: и не эффектно, и не элегантно – просто скучно.

Впрочем, Татьяне Трониной хорошо известно, что это не только моё мнение. Сошлюсь опять же на суждение, фигурирующее в интернете: **glasha_yu** (по её собственному признанию, она “читает только свои произведения, но не забывает и о двух мешках купленных... чужих книжек”, среди которых оказался роман Татьяны Трониной “Одноклассница”):

“Это про любофф. Автор, как написано на обложке, входит в пятёрку лучших авторов современного женского романа. Очень хочу знать остальных четырёх. Огласите, пожалуйста, весь список!

Если б романная канва была только любовной, я бы затосковала. А тут детективная основа. Очень наивная развязка, даже забавно. Но любовь – это сила! Образы схематичные, ходульные. Наверное, мне попал в руки не самый лучший продукт писательницы. Но написано чисто, хотя и невкусно.

Для чтения в парикмахерской”.

Но эта манера письма, как мы знаем, осознанная, а оттого критиковать её неинтересно. Не спорю, она способна очаровать приверженцев поп-культуры, желающих расслабиться и получать удовольствие от прочитанного.

Что касается меня, то замечу: как бы то ни было, не каждый, кто зашёл в воду, – пловец, не каждый, кто на коне, – всадник, не каждый, кто говорит, – мудрец, не каждый, кто из слов строит фразы, – писатель.